

УДК 811.161.1'371.-116.3

И. Д. Гажева

ГЛАГОЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ СИМВОЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «МИР КАК ТЕКСТ»

ГАЖЕВА И. Д. ГЛАГОЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ СИМВОЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «МИР КАК ТЕКСТ».

Данная работа посвящена проблеме разграничения узуальной и индивидуально-авторской глагольных метафор. Автор показывает, что узуальная глагольная метафора, предполагающая генерализацию значения глагола, влечет за собой и сокращение числа его актантов, напротив, для индивидуально-авторской метафоры А. Белого характерно сохранение исходной модели управления, что связано с общей для символистов тенденцией к реализации тропов, к превращению их в элементы символистического сюжета.

Ключевые слова: глагольная метафора, индивидуально-авторская метафора, модель управления, реализация метафоры.

ГАЖЕВА І. Д. ДІЄСЛІВНА МЕТАФОРА ЯК ЗАСІБ РЕАЛІЗАЦІЇ СИМВОЛІСТСЬКОЇ КОНЦЕПЦІЇ «СВІТ ЯК ТЕКСТ».

Робота присвячена проблемі розмежування узуальної та індивідуально-авторської дієслівних метафор. Автор показує, що узуальна дієслівна метафора передбачає генералізацію значення дієслова та зменшення кількості його актантів, а для індивідуально-авторської метафори А. Белого, навпаки, характерно збереження моделі керування, що пов'язано із загальною для символістів тенденцією до реалізації тропів, до перетворення їх в елементи символистичного сюжету.

Ключові слова: дієслівна метафора, індивідуально-авторська метафора, модель керування, реалізація метафори.

GAZHEVA I. D. VERBAL METAPHOR AS A MEANS OF IMPLEMENTATION SYMBOLIST CONCEPTION "THE WORLD AS A TEXT".

The article deals with the problem of differentiation of usual and individual verbal metaphors. The author shows that the meaning of the verb in usual verbal metaphor is generalized and the number of its contextual realizations is reduced, while individual metaphors by A. Biely are characterized by preservation of governing model (this is connected with general tendency for the Symbolists to realize the tropes and transform them into the elements of symbolic plot).

Key word: verbal metaphor, individual author's metaphor, governing model, realization of verbal metaphors.

Постановка проблемы. Русская орнаментальная проза, как известно, начала формироваться на рубеже XIX-XX вв. в творчестве русских символистов: у ее истоков стоят А. Белый и Ф. Сологуб [7]. Специфика орнаментальной прозы обусловлена тем, что она представляет собой результат воздействия на нее поэтических структур [12, с. 239]. Это сказалось в ослаблении сюжетности, в «подминании» сюжета стилем, ср.: «Стиль становится важной движущей силой романа и постепенно смыкается с сюжетом... стилистические особенности начинают самодовлеть и вытеснять собственно содержание» [12, с. 239]. Классическими примерами произведений с нивелированным сюжетом являются вторая («Московская драматическая») и четвертая («Кубок метелей») симфонии А. Белого.

Андрей Белый не просто сближает поэзию с прозой – он вырабатывает свой язык: «язык А. Белого», как, например, язык «Улисса», по наблюдению Е. Замятина, не английский, а язык Дж. Джойса. Не случайно К. Мочульский характеризует А. Белого как бесстрашного экспериментатора, который «не оставил камня на камне от старого литературного языка, ... «вздернул на дыбы» русскую прозу, перевернул вверх ногами синтаксис, затопил словарь потоком новых, выдуманных им слов.» [9, с. 316-317]. «Дерзновенные, граничащие с безумием опыты А. Белого» хотя и осуществлялись им в русле происходящей модернистической революции, были, кроме того, обусловлены глубоко личными причинами и

явились обратной стороной (или следствием) его «поэтического косноязычия» [6, с. 681].

Создание своего языка осмыслялось А. Белым как борьба с творческой и лично-биографической немотой, вызванной семейной драмой, которая кошмаром обрушилась на детское сознание будущего писателя и стала источником его трагического мироощущения. «Косноязычный, немой, перепуганный, выглядывал «Боренька» из «ребенка» и «паиньки»; не то чтобы он не имел жестов: он их переводил на «чужие», утрачивая и жест, и язык...» [1, с. 7]. «Свои слова» А. Белый обрел, став символистом, одним из создателей символистской концепции слова и во многом новаторского поэтического языка. В рамках настоящей статьи внимание будет сосредоточено на новаторстве А. Белого в использовании глагольной метафоры.

Анализ актуальных исследований. До недавнего времени глагольная метафора относительно редко становилась предметом специальных лингвистических исследований, причем обусловлено это было парадигматически. В соответствии с господствовавшей в лингвистике структурно-таксономической идеологией лексическое значение слова трактовалось как иерархически упорядоченный набор сем – представить же глагольное значение в виде такой иерархии во многих случаях достаточно сложно. Принцип описания значений лексических единиц в их обусловленности ситуациями, провозглашенный представителями Московской семантической школы (МСШ) и несколько позднее – Ч. Филлмором и другими представителями когнитивизма на западе, открыл новые интересные возможности для исследования глагольной метафоры. Один из первых опытов описания в том числе глагольных метафор с использованием метаязыка МСШ – оставшийся на то время в определенном смысле единичным – представлен в статье [6]. Лексическое значение трактуется здесь в качестве пропозициональной (сентенциональной) формы, включающей предметные и предикатные переменные, и схематически представляется в качестве определенной семантической конфигурации, каждой позиции в которой соответствует определенный набор сем (ср. дистрикцию семантический признак – семантический компонент в концепции компонентного синтеза А. Кузнецова [4]). В переводе на более современный метаязык «позиция» будет соответствовать семантической роли участника ситуации, а набор сем его таксономическим (онтологическим) характеристикам, или денотативному статусу [10]. Процесс метафоризации понимается М. Лекомцевой как взаимодействие семантических конфигураций на двух уровнях: на уровне позиций и на уровне соответствующих им наборов сем. В результате такого взаимодействия осуществляются следующие операции: 1) совпадающие семы (таксономические характеристики) совпадающих позиций (ролей) сохраняются или усиливаются; 2) несовпадающие нейтрализуются; 3) несовпадающие позиции остаются в результирующем метафорическом значении без изменения. Таким образом, если результат метафорического взаимодействия представлен, например, выражением *камни возопиют*, то могут быть поставлены вопросы *на каком языке? о чем?* Примечательно, однако, что эти потенциально пустые позиции М. Лекомцева считает частично не заполняемыми. Если далее по тексту такая позиция заполняется, то перед нами один из случаев обыгрывания, или реализации, метафоры. Если же все подобного рода позиции заполняются сразу в результирующем метафорическом контексте, то имеет место не особое авторское видение реальности, достигаемое в том числе использованием метафор, но буквальное описание особого мира. Последнее наблюдение тем более интересно в сопоставлении с выводами Р. И. Розиной, исследовавшей жаргонную глагольную метафору сквозь призму изменения модели управления глагола и пришедшей к выводу о том, что образование метафорических жаргонных значений ... обязательно включает сокращение числа участников ситуации [11]: например, подставить (поместить) что-то под что-то – подставить (поставить в неприятное положение) кого-то; кинуть что-то куда-то – кинуть кого-то и т.д. Эта же тенденция характерна для общезыковой глагольной метафоры (как живой, так и угасшей), ср.: *дождь идет; время, жизнь идет, течет; время терпит, не ждет; дни, часы идут, текут; часы бьют; колокол бьет, ударил; листья шепчет* и др.

Цель работы – показать, что для индивидуально-авторской метафоры (далее – ИАМ) А. Белого, напротив, характерно включение участников ситуации, соответствующей исходному значению глагола, в ситуацию метафорическую, а также выявить семантические эффекты подобного рода приема и обосновать его органичность для поэтики младосимволистов.

Изложение основного материала. Как известно, главная роль при образовании глагольной метафоры (далее – ГМ) в наиболее тривиальных случаях принадлежит субъекту [2; 3; 14], то есть глагольная метафоризация представляет собой осуществляемое посредством глагольной предикации референтное смещение на именах субъектов. Предикат, закрепленный

за определенной референтно-отражательной группой имен субъектов, приписывается имени, принадлежащему к иной референтной группе. Например, *Гасли бледно-синие туманы* (3, с. 197)¹ глагольный предикат гасли, закрепленной за референтной группой имен «Огонь, свет» (S₂ – Огонь) приписан имени другой референтной группы (S₁ – Туман); *Уже месяц – белый меланхолик – печально зиял в вышине* (1, с. 45) – S₁(Месяц) – (Человек) – S₂ (Бездна).

В связи с этим, в первую очередь, целесообразно противопоставить друг другу: 1) метафоры, осуществляющие перенос (чаще всего – межреферентный) на именах субъектов, то есть метафоры двусубъектные и 2) метафоры, не осуществляющие такого переноса, то есть метафоры односубъектные.

Последняя группа метафор при этом распадается на:

2.1) метафоры, собственно односубъектные, где одно действие субъекта уподобляется другому действию того же субъекта, например: *Он* (аккомпаниатор – И. Г.) *плясал на кончике табурета* (2, с. 111), где смысл 'сопровождать бурными телодвижениями игру на музыкальном инструменте' передан с помощью глагола *плясать*, а субъект сохраняет свою самотождественность;

2.2) и односубъектные метафоры, совершающие межреферентный перенос на именах других актантов, – условно – односубъектно-двухобъектные, например: *Ароматно тонула, тонула – в незабудковом платье* (4, с. 276), – S₁ – S₂ (Человек), O₁ (Ткань) – O₂ (Вода)

Метафора односубъектно-двухобъектная соотносима с двухактантной в дистинкции метафор одноактантная – метафора двухактантная Б. Тошовича [14].

При этом межреферентный перенос на именах объектов в отдельных случаях влечет за собой и метафоризацию субъекта. Ср., например, конструкции с творительным падежом метафорического объекта: *Руки ее словно ловили воздух, плавая, то белея, то зацветая светом* (4, с. 308), где O₁ (свет, пятна света) – O₂ (цветы), S₁ (руки) – S₂ (цветущие ветви); *Вдруг руки старухи ожгли лицо красавицы, лучась грешной улыбкой* (4, с. 291), где O₁ (улыбка) – O₂ (свет), S₁(губы) – S₂ (источник света), а также конструкции с винительным падежом объекта: *Время изорвет мою черную грусть* (4, с. 332), где S₁ (время) – S₂ (человек), P (умалит, утешит) – P_m (изорвет), O₁ (грусть) – O₂ (нечто, что может быть порвано: нить, бумага, ткань).

Среди метафор двусубъектных у А. Белого выделяется ряд метафор, в которых глагол сохраняет актанты (или актант), обычно утрачиваемые им при узуально-метафорическом употреблении. Например, глаголы речевой деятельности при узуально-метафорическом употреблении, как правило, теряют валентности Content (содержания), Mod (способа действия), Adr (адресата): *море, лес, листва шепчет, деревья шепчут, ручей лепечет*. Если же валентность Content (содержания) сохраняется, то она заполняется обычно неопределенно-личным местоимением: *деревья шепчут о чем-то*. Характерно, что в узуальных метафорических контекстах такого рода используются, как правило, не собственно глаголы речи, но речи нечленораздельной, невнятной, плохо различимой, чему и соответствует нивелирование указанной валентности или – в случае ее сохранения – описанные ограничения на ее заполнение. В «Симфониях» А. Белого встречаются, с одной стороны, общезыковые метафоры описанного типа, ср.: *Лес шумел и шептал* (1, с. 72); *Тростниковая страна пела и склонялась под напором сильного ветра* (1, с. 84); *На лужайке перед домом два молодых тополя шептались с бурей, точно зачарованные* (2, с. 162); *Трубы выли* (2, с. 163); *Трубы пели и стонали* (2, с. 146); *Пела вьюга...* (4, с. 276); *Бархатно-мягкий день, заснеженный вьюжными вихрями, запевал над домами* (4, с. 262); *Прозрачный ручей все жаловался ...о чем-то...* (1, с. 50); *Орлов замолчал, но заговорили две серые бездны, сидевшие в глубоких глазницах* (3, с. 240), а с другой стороны, индивидуально-авторские метафоры, сохраняющие указанные валентности, чаще всего – именно валентность Content, ср.: *Они (сосны) говорили: «Где твое царство?»* (1, с. 57), *...старик тополя, воздымая костлявые руки свои, ликовали и кричали нараспев: «Се жених!»* (2, с. 174); *А в палисаднике дерева, воздымая костлявые руки свои под напором свежего ветерка, ликовали и кричали нараспев: «Се жених!»* (2, с. 192); *Сквозь обций крик старик тополя, как державные архиереи, воздымая костлявые руки свои, ликовали и кричали нараспев: «Чертог твой!»...* (2, с. 164); 2) *Трубы пели : «Дни текут...»*(4, с. 272); *Одинокие дворы пели от затаенной грезы: «Возвращается...»* (2, с. 175); *Метель*

¹ При цитации текстов «Симфоний» А.Белого применяется нумерация в круглых скобках с указанием номера симфонии и страницы. Текст цитируется по изданию: Белый А. «Симфонии» / Андрей Белый. – Л., 1990.

запевала старинную старину... (4, с.261); *В окне вздохнули: «Кто может заснежить все?»*. *Вьюга сказала: «Ну, конечно, я»* (4, с. 276); ... *грозным настойчивым свистом вьюга звала их* (валентность Adr, адресата) *в обитель* (валентность Itin, направление) *полей, лесов, просторов* (4, с. 348); *Призывала метель их из жизни* (валентность Itin, направление) (4, с. 350); *Говорили (глаза) о невозможном* (3, с. 260); 5) *И море шептало: «Не надо, не надо...»* (2, с. 200); 7) *Ветер свистал в ухо: «Вдаль!»* (3, с. 245); *Сладкий ветерок шептал: «Что значит доцент Ценх?»* (3, с. 240); *Ветер шепчет мне* (валентность Adr), *что я гибну* (3, с. 203); ... *ветерок... зашептал поникшему королю* (валентность Adr, адресата) *о неожиданном счастье* (1, с. 73); *Ветер вздохнул: «Ну, только ждут...»* (4, с. 294); *Мокрый ветер страстно запел: «Зори безумные...»* (4, с. 341); *Ветер шепчет мне* (валентность Adr) – *будущее неизменно* (3, с. 202); *Вечерняя заря хохотала над Москвой* (совмещение валентностей Adr и Lok) (2, с. 178); *И хохотала ясная зоренька, шепча: «Милые мои»* (2, с. 134). Валентность Content более соответствует глаголам членораздельной речи (нормально внятно говорить о чем-то конкретном и шептать что-то неопределенное), которые и функционируют в приведенных выше индивидуально-авторских метафорах наряду с глаголами «шепота». Таким образом, именно метафорически употребленные глаголы тематического класса речи (как в варианте речи внятной, так и в варианте шепота) в «Симфониях» А. Белого имеют тенденцию к сохранению своей валентностной структуры и соответственно к включению в «метафорическую ситуацию» участников, соответствующих ситуации исходной.

Описанное явление связано с установкой на всеобщую семиотизацию действительности [13, с. 24], с отношением символистов к окружающему миру предметов и событий как к тексту, нуждающемуся в интерпретации. О символистской концепции «мир как текст» писала З. Г. Минц: «Если писатели одних направлений воспринимают текст как модель внетекстовой действительности стремятся организовать его по законам, подобным законам этой действительности), то для символистов дело обстоит прямо противоположным образом: реальности приписываются свойства художественного текста» [8, с. 97]. Исследовательница при этом рассмотрела вопрос о «о воздействии концепции мира как текста на художественное творчество символистов», которое проявилось в поэтике названий символистских произведений, принципах цитации, особой роли неполных и дефектных предложений, стремлении к циклизации и в других особенностях [8, с. 101]. К их числу можно отнести и описанную выше специфику индивидуализации глагольной метафоры у А. Белого.

При этом очень характерным для «Симфоний» как для текста собственно младосимволистического, а не просто символистического, является функционирование в приведенных выше метафорических конструкциях глаголов собственно речи наряду с глаголами шепота. Парадигма шепота, как показал А. Ханзен-Леве [15], является необычайно продуктивной для старшего символизма, где шепот «подразумевает всевозможные манифестации невнятного, едва различимого в мире повседневности языка вещей, в котором являет себя неким невербальным способом (или, скорее, скрывает) «мир иной» [15, с. 181]. В согласии с установкой на сокрытие, или на недопроявление «мира иного», метафорически употребленные глаголы шепота в текстах старших символистов, аналогично метафорам узуальным, чаще не открывают валентность Content либо открывают ее с условием указанных ограничений на ее заполнение, ср.: ...*С травой шептались ясные ручьи,/ Струясь без цели...* (Сологуб); *Где чуть дышит, чуть шепчет в ветвях ветерка дуновенье,/ Где листва чуть трепещет в лучах изумрудным навесом/... Зашептала речная волна с серебристой ивой* (Бальмонт); *И шепчут волны меж собой* (Бальмонт); *И блуждают тени смутные/... Что-то шепчут ветру жадному* (Бальмонт); *Шепчутся травы под грезы мои,/ ...Травы колеблются мягко, уныло...* (Добролюбов). Во младосимволистическом тексте «Симфоний» предметы окружающего мира порой не просто шепчут, зывают, неопределенно намекая на что-то, но также и говорят, передают вполне внятные сообщения, являясь знаками, интерпретируемыми для читателя, владеющего «языком посвященных созерцателей зорь», своего рода «младосимволистским жаргоном», ср.: «Та же самая парадигма (шепота – И. Г.) трактуется в рамках мифопоэтического символизма как язык (таинственных, апокалипсических, мессианских) знаков грядущего избавления или конца света» [15, с. 187].

Характерен выбор реалий, выступающих референтами имен субъектов в приведенных ИАМ: Деревья, Ветер, Метель, Море, Заря, Глаза. Это концептуально значимые для текста симфоний и для младосимволистического текста в целом реалии-символы, главная функция которых состоит в том, чтобы постоянно окликать героя, призывать его от быта к истинному

бытию, напоминать об его истинном предназначении, не давая уснуть «во греховней смерти», оповещать о том, что «последние дни наступили». Аналогичную функцию в «Симфониях» выполняют персонифицированные Вечность («коэффициент, чудесно преломляющий все», по А. Белому) и такие ее семиотические эквиваленты, как Печаль, Скука, Память, Глубина. Они существуют в поэтическом космосе А. Белого не просто в статусе «самодовлеющих» и безликих сущностей, но имеют тенденцию воплощаться и действовать в качестве своеобразных символических персонажей, ср.: *Печаль образом темным встала над ним* (1, с. 47); *Печаль, успокоенная, невидимо стояла над королем* (1, с. 47); *А она (скука) стояла у каждого за плечами невидимым, туманным очертанием* (2, с. 91); *И каждого за плечами стояла скука, среди мелочей открывая бездонное* (2, с. 100); *И скука, как знакомый, милый образ, танцевала на семи холмах* (2, с. 97); *И вновь все провалилось с оборванными струнами. А из хаоса кивала скука, вечная, как мир, темная, как ночь* (2, с. 113); *Время, как река, тянулось без остановки, и в течении времени отражалась туманная Вечность. Это была бледная женщина в черном. Вся в длинных покровах, она склонялась над одинокой королевой. Нашептывала своим гудящим шепотом старинные речи* (1, с. 49); *Сама Вечность в образе черной гостьи разгуливала вдоль одиноких комнат, садилась на пустые кресла, поправляла портреты в чехлах по-вечному, по-родственному* (2, с. 103); *Так шутила вечность с баловником своим, обнимала темными очертаниями друга, клала ему на сердце свое бледное, безмирное лицо. Закрывала тонкими пальцами очи аскета* (2, с. 155); *Вселенная всех нас окружила своими объятиями. Она ласкает. Она целует* (3, с. 240); *Ему казалось, что вселенная заключила его в свои мировые объятия* (3, с. 196); *И опять она стояла, любовно шептала ему о возможном счастье* (3, с. 244); *Сама глубина возвала к нему: «Твоя, твоя. Твоя навсегда». (Хандриков возопил: «Глубина моя». И глубина в ответ: «Твоя я...»* (3, с. 24); *Тихо кралась глубина. Стояла надо всем* (3, с. 241). *Так что сохранение валентности содержания в контекстах типа И опять она стояла, любовно шептала ему о возможном счастье* (3, с. 244); *Сама глубина возвала к нему: «Твоя, твоя. Твоя навсегда». (Хандриков возопил: «Глубина моя». И глубина в ответ: «Твоя я...»* (3, с. 24) поддержано здесь фактологически.

По мнению М. Лекомцевой, при сохранении метафорическим глаголом валентностной структуры, соответствующей его исходному значению, имеет место не собственно метафора, а буквальное описание возможного – здесь, добавим, символического мира. Действительно, ведь метафорическое употребление предполагает преобразование исходного значения глагола, чаще всего – генерализацию. Здесь же генерализации не происходит так же, как и в случае ИАМ, работающей собственно на глагольном значении и не влекущей изменения модели управления – ср. подробный анализ метафорических контекстов *волосы струились, своды струились* в [2], в результате которого были сделаны выводы о том, что в случае ИАМ значение глагола не подвергается никаким преобразованиям и воспринимается в своем буквальном смысле, который здесь неотличим от фигуративного, и что, следовательно, создание ИАМ нацелено не на отражение предметов, но на моделирование иной реальности, в которой – в результате перераспределения собственных признаков – предметы перестают быть только собой.

Тенденцию к стиранию границ между реальным и фигуративным значениями, к «превращению поэтического тропа в поэтический факт, в сюжетное построение» [16, с. 277] можно считать характерной приметой поэтического языка символизма, поскольку именно здесь, по наблюдению Р. Якобсона, этот прием впервые встречается без логических мотивировок, как, например, патология героя или его аффектированное состояние [17, с. 283]. Так, например, в метафорическом контексте *И вся она (старуха) заструилась и растаяла облачком* (1, с. 49) глаголы воспринимаются как употребленные, в первую очередь, в своем буквальном смысле, на который в качестве интерпретационно-выводного накладывается иносказательный – «умереть». Поскольку умирание в узусе связывается как раз с противоположными смыслами: не с развеществлением и рассеиванием тела, но с отлетанием души и застыванием, окаменением, уплотнением, то есть еще большим овеществлением тела, – между буквальным и окказиональным метафорическим содержаниями этих глаголов не обнаруживается совпадений на уровне тех признаков (специфических, дескриптивных), которыми обычно оперирует метафора, но – лишь на уровне классем «исчезать», «переставать быть». Фактуальность этого образа подтверждается дальнейшим контекстом, в котором осуществлено превращение ИАМ (с ее изначальной непротивопоставляемостью буквального и фигуративного смыслов) в собственно поэтический факт. Ср.: ... *Иногда проплывало над башиней знакомое туманное облачко. И королева простирала ему руки. Но равнодушное*

облачко уходило вдаль (1, с. 49). Еще более характерным для символизма, нежели использование приема реализации тропа, Р. О. Якобсон считает явление обратной реализации, ср.: «На обращении в троп реальных образов, на их метафоризации основан символизм как поэтическая школа» [17, с. 230,283]. В «Симфониях» А. Белого представлены в многообразии оба приема. Ср. в качестве примера обратной реализации метафоры следующий контекст: *...А ... в соседней комнате сидела черная гостья. Подставив свой профиль огромному зеркалу. Она ждала хозяина по-родственному и часто моргала своими крохотными карими глазками...А рядом с ней в зеркале сидела другая, такая же черная, как и она. Так она и не дождалась философа, так и ушла по-родственному, не простившись* (1, с. 102), и далее: *...сама Вечность в образе черной гостьи разгуливала вдоль одиноких комнат, садилась на пустые кресла. Поправляла портреты в чехлах, по-вечному, по-родственному* (1, с. 108).

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Итак, отдельные группы глагольных метафор в тексте «Симфоний» имеют тенденцию из средства образности превращаться в поэтические факты, в элементы символистического сюжета. Это, во-первых, ИАМ, работающие собственно на глагольном значении и не связанные с изменениями в актантной структуре, типа *своды струились* (см. подробнее [2]). Характерной чертой этих ИАМ является то, что они сближают сущности и признаки, между которыми нет реального сходства. Основанием сближения, вследствие этого, может служить любой признак, каждый, и соответственно, – все. В результате тождество, создаваемое такой ИАМ, предстает не как частичное, но как абсолютное, существующее однако в ином – символическом – мире. Кроме того, в симфониях А.Белого активно обыгрываются глагольные метафоры тематического класса речи-шепота, роль субъекта в которых выполняют имена таких определенных референтных групп, как: Деревья, Ветер, Метель, Море, Заря, Глаза, а также Вечность, Печаль, Скука, Память, Глубина, – что достигается, в частности, путем сохранения глаголом своей валентностной структуры. Фактологизация метафор именно этого тематического класса делает их характерной приметой собственно младосимволистического дискурса, в рамках которого концептуально значимые реалии наделяются способностью не просто невнятно намекать на существование «мира иного», но передавать интерпретируемые сообщения о приблизившихся апокалиптических событиях. Перспективным представляется исследование приема фактологизации метафоры в контексте эволюции идиостиля А. Белого, а также в более широком контексте развития и вырождения поэтики младосимволизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Между двух революций / Андрей Белый. – Ленинград : Издательство Писателей в Ленинграде, 1934. – 408 с.
2. Гажева И. Д. О критериях разграничения общезыковой и индивидуально-авторской глагольных метафор / И. Д. Гажева // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 1998. – № 3-4. – С.11-16.
3. Гажева І. Д. Функціонально-семантичне дослідження дієслівної метафори: семасіологічний та ономасіологічний аспекти (на матеріалі «Симфоній» А. Белого) : автореф. дисс. ... канд. філол. наук / І. Д. Гажева. – Харків, 2002. – 18 с.
4. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецов. – М. : Наука, 1986. – 126 с.
5. Лекомцева М. И. Лингвистический аспект метафоры и структура семантического компонента / М. И. Лекомцева // Test. Yęzyk. Poetyka. / Pod. red. M.-R. Mayenowej. – Wrocław-Warszawa, 1978. – S. 153-161.
6. Лотман Ю. М. Поэтическое косноязычие Андрея Белого // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2001. – с. 681-687.
7. Минц З. Г. К проблеме «символизма» символистов / З. Г. Минц // Труды по знаковым системам. – Вып. 21. – Тарту 1987. – С. 45-63.
8. Минц З. Г. Понятие текста и символистская эстетика / З. Г. Минц // Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. СПб.: Искусство – СПб, 2004. – Кн. 3: Поэтика русского символизма. – С. 97-102.
9. Мочульский К. Андрей Белый // Мочульский К. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов / К. Мочульский. – Москва 1997. – С. 316-317.
10. Падучева Е. В. Парадигмы регулярной многозначности глаголов звука / Е. В. Падучева // ВЯ. – 1998. – № 5. – С 3-23.

11. Розина Р. И. Глагольная метафора в литературном языке и сленге: таксономические замены в позиции объекта / Р. И. Розина // Русский язык в научном освещении. – 2003. – №5. – С. 68-85.
12. Руднев В. Принципы новой прозы // Руднев В. Словарь культуры XX в. / В. Руднев. – Москва, 1999. – С. 239-240.
13. Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем / И. П. Смирнов. – М. : Наука, 1977. – 203 с.
14. Тошович Б. Структура глагольной метафоры / Б. Тошович // Stylistyka VII. – 1998. – С.221-251.
15. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве. – СПб : Академический проект, 1999. – 511 с.
16. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р.О. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. – М. : Наука, 1987. – С. 272-316.

ИСТОЧНИК

Белый А. «Симфонии» / Андрей Белый. – Л.: Худож. лит., 1990. – 528 с..
